

Золотая серия поэзии

Инна Кабыш

Кто варит варенье в июле...

Москва
2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
К12

Предисловие *Дмитрия Быкова*
Разработка серии *А. Новикова*
Дизайн переплета *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке: The Advertising Archives /
Bridgeman Images / Fotodom.ru

Кабыш, Инна Александровна.

К12 Кто варит варенье в июле... / Инна Кабыш. — Москва : Эксмо, 2018. — 256 с. — (Золотая серия поэзии).

Поэтом может быть не всякий —
всего один,
почти никто... —

эти строки Инны Кабыш, безусловно, о ней. Именно ее имя останется в ряду больших поэтов, пытающихся понять суть предназначения женщины.

Именно ее строки

Кто варит варенье в России,
Тот знает, что выхода нет

в качестве эпиграфа к своему стихотворению поставил Евгений Евтушенко. Именно ее лирическое и гражданское «я» неразрывны, а сердце откликается на события, происходящие с Россией, искренне и честно.

В книгу вошли только самые лучшие, самые искренние, самые пронзительные стихотворения поэта.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

© Кабыш И.А., 2018
© Быков Д., предисловие, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098426-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды я в разговоре с прекрасным ленинградским поэтом Геннадием Угрениновым похвалил одного питерского автора: хороший, мол. Угренинов поправил: бывают поэты хорошие, а бывают большие. Разница трудноопределима, но всегда чувствуется.

Инна Кабыш — большой поэт. Я думаю, критериев для такой оценки несколько: во-первых, большой поэт высказывает то, о чем все думают, но сказать не решаются. Это смелость не политическая, а скорей экзистенциальная, потому что страшней всего говорить не о политике, а о жизни. Жизнь безжалостней любой власти, власть еще может пощадить, а смерть никогда. Во-вторых, большой поэт говорит именно о том, что имеет универсальное значение, то есть о главных вещах, о самых сильных и мучительных эмоциях вроде страсти, позора, страха. В-третьих, его слова уходят в речь или по крайней мере врезаются в память.

В наше время — не слишком поэтическое, потому что читателей поэзии нынче мало, а доверие к слову невелико, — Кабыш известна этим насто-

ящим читателям и ценится высоко. Она не боится трагизма и живет в трагедии, потому что настоящая высота и сила поэтического голоса определяется только этим бесстрашием (Ахматова откровенно называла бесстыдством). Ее формулами думают и говорят о себе многие, и никогда не будет забыт поэт, сказавший: «Там ждут нас наши мертвые в могилах, как дети у забора в детсаду».

Не будет забыт поэт, сказавший: «А женщине чего бояться? Она не царь и не народ. Ей Пасхи ждать, и красить яйца, и не загадывать вперед. Где страх уста мужчине свяжет, где соблазнит мужчину бес — там женщина придет и скажет Тиберию: «Христос воскрес!»

И уж точно никогда не будет забыт поэт, давший Христову имени такое счастливое, такое гениальное определение: «как за ночь снега подросли-то, сугроб — точно сахара кус, и в воздухе зимнем разлито веселое имя — Исус».

Это сказано не просто хорошо, это еще и важная отсылка к блоковскому «веселое имя Пушкин». Все главные имена — веселые, потому что знаменуют победу над смертью. И стихи Кабыш, хоть очень часто в них есть страшные детали и приметы, оставляют всегда впечатление победы — и тайной радости; и с этой тайной радостью я их перечитываю, а чаще просто вспоминаю, потому что знаю наизусть и достаю из своей тайной аптечки по мере необходимости.

Кабыш написала много. Не очень много, но на большое избранное хватает — при строгом отборе и при том, что годы ее по нынешним меркам

еще молодые. Много и разнообразно: тут драматические поэмы, притчи, баллады, есть лирика сюжетная, что большая редкость по нынешним временам, есть исповедальная, есть попросту истерическая, а есть благородно сдержанная, и особенно приятно, что о любви к Родине она говорит с исключительным достоинством, как о бремени, а не как о преимуществе. Но подробный анализ этой лирики, заслуживающей и филологического, и мировоззренческого разбора, — не входит в наши задачи. В наши задачи входит объясниться в любви. А то — кто я, в сущности, такой, чтобы предварять книгу Кабыш и разбирать ее лирику? Мы из одного поколения, и лично мне гораздо легче жить оттого, что рядом со мной работает большой поэт. И он скажет все, на что у меня не хватило духу. И потому нашу генерацию можно считать оправданной.

А вот кто достоин говорить о ней — так это другой поэт, побольше меня. Нонна Слепакова, превосходный питерский лирик и мой учитель, приехала однажды в Москву и слушала здесь молодых поэтов. В письме отправила поэтический обзор:

Безусловно хорош Дидуров,
Остальные вторичны. Бабы ж —
Абсолютный рассадник дуров,
Исключая, конечно, Кабыш.

Упоминалась там еще пара поэтов, подающих надежды, но они как-то быстро скукожились — и надежды, и авторы. Кабыш продолжает держать планку и, более того, повышать ее; думаю, ее пло-

дотворная зрелость подарит нам еще несколько бесспорных шедевров. Она сейчас в лучшем своем времени, о котором тоже сказала лучше всех:

Говорю спокойно и сурово:
Слава Богу, молодость прошла.

Ну, прошла и прошла. Стихи-то остались, им уже никогда ничего не делается.

Дмитрий Быков

Стихотворения

---

* * *

Вдруг прыщи исчезают со лба,
и пунктиром ложатся морщины —
это знак, что начнется судьба.
Начинается!.. С крови, с мужчины,

с ломки, с дома, где все кувырком,
где так веще процедит свекруха:
ешь ломком — жить не будешь домком...
А за окнами будет разруха,

капитальная рухнет стена
от напора страданья простого,
и увидишь: в России война,
вдруг прозрев, как однажды Ростова.

И увидишь: не видно людей
за народом. Не годы — години.
И незыблемость очередей,
механизмов смиренья гордыни.

И песком заскрипит на зубах,
зашуршит, в коробах оседая
черепных: Чернобыль, Карабах...
И Россия, свекруха седая,

сядет рядом. Вот слово: свекровь!
Не жена, не Прекрасная Дама
и не мать. Степень близости — кровь
общей группы, семейная драма.

Просто брак оказался с брачком.
Но она же мне мужа носила!
Мы повязаны, мы ни при ком:
все на фронте: ни мужа, ни сына.

* * *

Учебой ли, в тимуровцы игрой
охвачена, — была я всюду первой.
Отличницей. Общественницей. Стервой.
Меня не научили быть второй.

Остановить бы тройку на скаку,
спросить: «Куда, родимая, несешься?..»
Что первенством от смерти не спасешься,
я знаю. Чем спасешься — не секу.

Переборов ребяческую прыть,
живу неспешно, то есть драматично,
предпочитая не демократично,
а царственно решать, куда мне плыть.

...И мне уже не страшно быть второй.
И пятой. И десятой. И последней.
Да может, тот бессмертней, кто бесследней,
и тот первой, кто замыкает строй.

* * *

На электричку брали билеты,
брали сгущенку, сачки и крючки,
чтобы все лето болтаться у Леты,
тихой-претихой дачной реки.

Бабушка утром читала молитву
и отправлялась в местный ларек,
и отправлялись мы на ловитву:
сам себе каждый Бог и зверек.

Шаркали старые велосипеды,
словно щенки, заливались звонки,
и ежедневно стыли обеды,
бились коленки, вяли венки.

Вдруг начинала жажда копиться,
и пополудни, около двух,
мы из любого пили копытца —
и оголялись зренье и слух.

Солнце сдирало лишние шкуры,
нам поверяли тайны души
наши соседи кошки и куры,
наши знакомцы ежи и ерши.

Даже трава становилась стоустой,
ибо наш слух был стократно остер,
Нас посылали бегом за капустой —
мы находили братьев-сестер.

Мы замирали, пронзенные сходством
с нами червячной дачной родни,
этим всеобщим божественным скотством,
и ликовали, что не одни.

* * *

Это моя образцовая школа
с вечнобеременными училками,
с нищенством классов и холодом холла,
резью звонков и невымытыми вилками.

Вот, проходя до конца коридора,
слышу урок фанатичного пения
и тишину пионерского сбора:
тихую-тихую, до отупения.

Вижу перке и укол под лопатку,
греческий профиль женатого физика,
библиотекаршу-психопатку,
сына ее, бледнолицего шизика.

Вижу хрустальную Вашу указку,
белую руку и статью географскую,
братский газон и дырявую каску —
всю эту школу родную, дурацкую.

С по-деревенски большим огородом,
белой капустой и красными маками,
школьным народом и местным юродом,
матом, стихами, любовью и драками...